

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕННОМ СКАЗУЕМОМ В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В. БАЛАЙШИС

При анализе именного сказуемого большое значение имеет то, какие глаголы мы будем считать связкой и как будем, в связи с этим, трактовать именную часть сказуемого. В немецких грамматиках нет единого мнения, что считать связкой, но глаголы *sein*, *werden*, *bleiben*, *heissen*, *scheinen* и *dünken* в первую очередь анализируются как связки. Наряду с этими глаголами рассматриваются также глаголы *spachen*, *erklären*, *gebogen werden*, *gepannt werden* как глаголы связочного характера, а разница между именными частями сказуемого в разных случаях не учитывается. Например, Вундерлих-Райс¹ в предложении «*Er schreibt sich Müller*» слово *Müller* считает предикативом как и *knecht* в предложении «*wie ich beharre bin ich knecht*».

В советской германистике вопрос о связке по-новому решает А. И. Руфьева². Для отграничения связок от других глаголов связочного характера автор выдвигает три критерия: 1) глагол не должен подчинять себе имя грамматически. Имя в составе предикатива в немецком языке стоит в именительном падеже; 2) глагол должен обладать неограниченной сочетаемостью с именами; 3) семантика глагола должна быть такой, чтобы она могла подтвердить признак, находящийся в предикативе. Этим требованиям в современном немецком языке соответствуют только глаголы *sein*, *werden* и *bleiben*. Мы придерживаемся мнения А. И. Руфьевой относительно выделяемой ею группы глаголов, и только заметим в добавление, что, во-первых, глаголы *sein*, *werden*, *bleiben* выделяется среди других еще и потому, что они имеют самое широкое значение существования, бытия. *Sein* выражает существование вообще, *werden* становление в широком смысле и *bleiben* — сохранение прежнего состояния. Во-вторых, эти глаголы объективно передают содержание действительности, в то время как другие, напр., *scheinen*, *heissen*, *dünken* придают субъективный момент высказыванию.

¹ H. Wunderlich, H. Reis, *Der deutsche Satzbau*, Stuttgart und Berlin, 1925. Bd. II, S. 40.

² А. И. Руфьева, Связочные глаголы в современном немецком языке. — Ученые записки, I МГПИИЯ, том 23, 1959.

Р-третьих, связка, по нашему мнению, должна сочетаться одновременно и с прилагательным и существительным, что и характерно для перечисленных глаголов. С существительными она должна суметь выразить тождество между субъектом и именной частью сказуемого или передать качество посредством тождества. И последнее, нам кажется, что первый критерий А. И. Рудьевой, согласно которому связка не должна починять себе имени грамматически, не подходит для связки *werden*, которая, благодаря своей структуре, может управлять именем посредством «zu». *Werden* при этом сохраняет характер связки, а имя — предикатива, напр.: *bidhiu ih hepfu mina hant ubar sie, endi sie uuerdent zi scaahche...* (Isid. XI 5) — ибо я подниму руку над ними, и они станут добычей... Число связок в истории немецкого языка не было постоянной величиной. Связками в двн. языке Я. Гримм³, например, считает глаголы *uuesan, uuerdan, thunken, skinen, ginemnit uuerdan (uuesan)* и др.

Вундерлих и Райс⁴ думают, что в прошлом связками могли быть глаголы *leben, sitzen, loufen, komen, sten, scheiden, gen* и *sterben*, например: *des starp er mensche und starp nicht got*. В книге Эрдманна-Мензинга⁵ к связкам в двн. языке относятся *queman, giboran sin, gihaltan, getan wart*, напр.: *thu bist herasun queman druhtines sun* (O. II 7.67) — ты пришел сюда как сын божьей.

Из всех перечисленных глаголов выделяются в двн. языке только два глагола *uuesan* и *uuerdan*, которые соответствуют выше выдвинутым критериям, напр.: *ih bin uuinreba, inti ir birut uuinbletir* (T. 167, 4) — я (есть) лоза виноградная, а бы — листья; *uuarun tho giuortan friunta Herodes inti Pilatus* (T. 196,8) — тогда Ирод и Пилат стали друзьями. Глаголы *uuesan* и *uuerdan* соответствуют всеми требованиям, которые предъявляются для связки. Они не подчиняют имени грамматически (исключение составляют случаи с *uuerdan+zu*), они обладают неограниченной сочетаемостью с именами, при этом соединяются и с существительными и с прилагательными, они объективно передают признак или качество, находящиеся в предикативе посредством тождества.

Проанализируем некоторые глаголы, которые выше названные авторы рассматривают как связки: *ener hiez in unsera uuis otacher, tiser hiez thioterich* (N. CPh 5) — того звали по-нашему Одоакр, этого звали Теодорихом; *er rihhisot githiuto kuning therero liuto* (O. I 5,29) — он будет господствовать как милостивый король этого народа; *thaz si gisunt ther selbo folk thuruh thes einen mannes dolk, thaz thunkit mih girati* (O. III 25, 27) — чтобы был народ невредим благодаря гибели одного человека, это кажется мне правильным исходом (буквально: советом); *tannan skinet oftono ein ding uuesen guot unde saligheit* (N. CPh 211) — часто кажется, что доброта и блаженство являются одной

³ J. Grimm, Deutsche Grammatik, Bd. IV, Gütersloh, 1898, S. 685 ff.

⁴ H. Wunderlich: H. Reis, Der deutsche Satzbau, S. 41.

⁵ O. Erdmann-Mensing, Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung, Stuttgart, 1898, § 78.

вещью; *bithiu thaz thar giboran uirdit heilag, thaz uirdit ginemnit gotes barn* (Т. 3, 7) — ибо тот, кто родится святым, будет назван сыном бога.

Глаголы *heizan, gihhison, thunkan, skinan, ginemnit uerdan, queman* не могут закрепить признака в предикативе, они не в состоянии отождествить предикат с субъектом, не придают ему качества посредством тождества. Это происходит потому, что значение глагола не позволяет имени стать настоящим признаком субъекта. Эти глаголы имеют субъективный характер, напр.: *thaz thunkit mih girati* — это кажется правильным исходом, но не является им. Глагол *queman* никоим образом не выражает тождества между субъектом и предикативом; предложение *thu bist herasun queman druhtines sun* значит только то, что он пришел в качестве сына божьего, о нем не высказывается, что он сам есть сын божий. Глагол *heizan* называет признак, но не может его утвердить, не может выразить тождества, напр.: *taz tu salda heizest toh sie so pesin* (N. СPh 88) — то, что ты называешь благами, но не есть блага (буквально: так). Таким образом мы не можем считать эти глаголы чистыми связками, а только глаголами связочного характера.

Следует отметить, что в двн. языке мы не находим глагола *bleiben* как связки. Имеется глагол *biliban*, значение которого не позволяет считать его связкой. *Biliban* имеет еще конкретное значение «оставаться», например: *so selp so im noh ein tempel ni bileiph noh einich altari noh einich offerunc ghelstar, so sama ni bileiph im einich chuninc noch einich sacerdos* (Isid. 35, 17) — так же как им не осталось ни церкви, ни алтаря, ни алтаря для жертв, также не осталось им ни вождя, ни священника; *iz ungidan ni bileip, soso ih hiar forna giscreip* (O. II, 2,6) — это не сделанным не осталось, как я об этом раньше писал.

Кроме того, *biliban* не сочетается в это время ни с именами существительными, ни с прилагательными. Наиболее ясно проявляется у него приближающееся к связочному значение в сочтании с причастием I, ср.: *inti bileib thar eino ther heilant inti thaz uuib in mittemo stantenti* (Т. 120, 6) — и в середине остались стоящим один Христос и женщина. Ясно, что в данных условиях глагол *biliban* связкой для древневерхнемецкого языка назвать нельзя.

Аналогично *biliban* употребляется близкий к нему по значению глагол *uonep* — оставаться, который столь же мало как и *biliban* является связкой, ср. напр.: *oba ir uonet in minemo uorte, zi uare birut ir thappe mine iungiron* (Т. 131, 12) — если вы останетесь в моих словах (если будете верить моим словам), действительно будете моими учениками; *thersun uonet zi euuidu* (Т. 131, 14) — сын останется навеки.

Более отвечает требованиям к связке похожий по значению на *uonep* глагол *thuruuonep* — оставаться, который выступает с прилагательным в функции копулы: *thuruuoneta er stum* (Т. 2, 10) — он стал немым. Поскольку однако этот глагол встретился только один раз (у Тациана), то его тоже нельзя считать эквивалентом современной связ-

ки bleiben. Глагол *uoesan* в немецком языке не получил дальнейшего развития как связка. Связкой этого рода стал глагол *bleiben*. Он прошел сложный путь развития. В див. языке этот глагол выступал в сочетаниях с первым причастием (*bileib stantenti*), в свн. сочетался лишь с именами прилагательными, и только в нвн. период стал окончательно связкой, когда он получил возможность выражать тождество. Таким образом, по-видимому, в див. языке мы имеем только две связки: *uoesan* и *uwerdan*.

Из формулированного выше понимания связки вытекает и определение именного сказуемого, которое состоит из связки и именной части (предикатива). Именную часть, которая встречается при *sein*, *werden* и *bleiben*, мы называем чистым предикативом в отличие от других предикативных имен, которые встречаются у глаголов связочного характера, например: *ir ni curit giheizan uoesan meistar, ein ist iuuer meistar, alle birut ir gibruoder* (Т. 141, 6) — вы не старайтесь быть называемыми учителями (мастерами), один есть ваш учитель, вы все являетесь братьями. В этом примере между *ir* и *meistar* нет тождества, отношение между этими двумя элементами существенно иное, чем дальше между *ein* и *meistar*, *alle* и *gibruoder*.

Не чистыми предикативами, а предикативными именами является, напр., *kuning* в вышеприведенном *Er rihhisot githiuto kuning therero liuto* (*kuning*=как король, в качестве короля) или *girati* в примере *thaz thunkit mir girati*.

Girati не является обязательным выводом из всего высказывания, а только кажущимся субъекту. Это зависит от того, что глагол *thunken* по своему значению не может придать субъекту неотъемлемого постоянного качества.

Аналогичное явление мы встречаем у глаголов, которые требуют при себе двойного аккузатива. Здесь второй аккузатив выступает по отношению к первому как сказуемое. Примеры: *ih ni quidu iu iu scalca, uanta scalc ni uueiz uuz duot sin herro* (Т. 168, 3) — я вас теперь называю слугами, потому что слуга не знает, что делает хозяин; *inti teta thaz uagum zueliui mit imo, thie namta her boton* (Т. 22, 5) — сделал он так, что с ним было двенадцать, которых он назвал апостолами; *thaz (muos) mannes sun iu thanne gibit, then thie fater zeihhonota got* (Т. 82, 4) — (пищу), которую вам тогда даст сын человеческий, которого отец отметил как бога; *inti quad in: arfirret thisu hinan inti ni curet tuon hus mines fater hus coufes* (Т. 117, 3) — и сказал им: выводите их отсюда и не делайте дом моего отца домом торговли.

В этих примерах *skalka*, *boton*, *got*, *hus* мы можем считать не предикативами, а предикативными именами не только по вышеизложенным мотивам, но и потому, что здесь имеем другую структуру, где нет прямой связи между субъектом и предикативом, а только посредством третьего элемента — объекта.

В своей работе мы касаемся только конструкций с чистыми предикативами и следовательно с глаголами *uoesan* и *uwerdan*.

Остановимся теперь на круге имен существительных, встречающихся при этих глаголах. В предикативе могут выступить сами разнообразные слова. Здесь встречаются конкретные существительные, выступающие в значении тождества с субъектом, напр.: *Ecclesia diu ist daz Gotes hus* (N. II 82) — церковь — это дом божьей.

В двн. языке имеется и много случаев, где конкретные слова употребляются в переносном смысле, напр.: *uuant er ist selbo brunno ioh alles guotes uunpo* (O. III 24, 57) — потому, что он сам есть ключ и радость всего хорошего.

Наряду с такими конкретными именами очень часто встречаются и различные имена отвлеченные.

Часто имена существительные, выступая в предикативе приобретают значение близкое к имени прилагательному. Эти слова передают внутреннее состояние субъекта и получают возможность управлять дополнением, напр.: *taz uuas imo freisa uuider den chunning* (N. I 146, 16).

Но особый интерес представляет в предикативе группа слов, форма которых одинаково может быть свойственна как кратким прилагательным, так и существительным. Ни грамматическая форма, ни синтаксическая функция, ни значение не выявляют четко эти слова как прилагательные или как существительные. По своей форме эти слова представляют собой чистую основу, т. е. форму, которая характерна для существительного и для прилагательного, напр.: *gut, recht, war* и др.

Проследим сочетание двн. *uuar* с глаголами-связками *uuesan* и *uuerdan*. Зиверс в словаре к Тациану⁶ дает две формы: *uuar* как существительное *veritas* и *uuar* как прилагательное *verus*. Но когда *verus* и *veritas* выступают в предикативе, то они передаются одним немецким словом *uuar*, напр.: *ander ist der dar giuuzscaf saget von mir, inti uueiz bidiu uuar ist giuuzscaf daz her saget von mir* (T. 88, 10) — есть другой, кто свидетельствует обо мне, и я знаю, что свидетельство, которое он говорит обо мне, истина (истинно) есть. Здесь *uuar* передает латинское *verum*: *et scio quia verum est testimonium; ir after fleiskt tuomet, ih ni tuomu niomannen, oba ih tuomu, min tuom ist thanne uuar* (T. 131, 4) — вы судите по внешности, я никогда не обсуждаю, а если я сужу, мой суд есть тогда правильный (правда). В оригинале стоит: *iudicium meum verum est*. В других же примерах *uuar* передает латинское *veritas*: *giheilago sie in uuare; thin wort ist uuar* (T. 178, 8) — освящай их по истине, твое слово есть истина. Латинский оригинал гласит: *sermo tuus veritas est; ih bin uuec inti uuar inti lib* (T. 162, 3) — я есмь дорога, истина и жизнь; лат.: *ego sum via et veritas et vita war* передает также латинское *verax* = говорящий правду: *thie thar intphieng sin giuuzscaf, ther gizeihhnota, thaz got uuar ist* (T. 21. 7) — кто принял его свидетельство, тот подтвердил, что господь говорит правду; лат.: *qui accepit testimonium eius signavit, quia deus verax est*. В последнем

⁶ *Tatian lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar, herausgegeben von E. Sievers, Paderborn, 1892.*

случае без латинского оригинала не было бы ясно, что подразумевается под *uag*. Под *uag* можно было бы понимать, что бог есть истина или бог является настоящим.

Издатель Отфрида Келле⁷ отмечает *uag* только как существительное. Отфрид часто употребляет *uag* в качестве дополнения с артиклем: *druhtin sprach tho zi in sar, ioh irougta in thaz uuar* (O. III 16, 11) — господин сказал тотчас им, и показал им истину (см. также O. III 23, 49; III 25, 33).

Но в предикативе также трудно определить, является ли *uag* существительным или прилагательным, поскольку вообще существительное в предикативе приобретает свойства прилагательного, напр.: *tho sprach er aful zi imo sar, guad*; «*uio mag io thaz uuesan uuar* (O. II 7, 46)?» — тогда он тотчас же заговорил с ним, сказал, как может быть это истинно (истиной)? *offan duat er thare thaz uuir nu helen hiare, ist iz ubil odo uuar unforholan ist iz thar* (O. I 15, 42) — открыто делает он там, что мы здесь скрываем, истина ли это или зло (истинно или плохо), там это не скрыто. В обоих случаях *uag* можно истолковать двойко: как существительное «истина» или как прилагательное «истинно».

Зерт и Легнер⁸ дают *uag* как существительное и как прилагательное с оговоркой, что *uag* в несклоняемой форме может быть понято и как существительное и как прилагательное. Примеры: *uuar tu in frono guotes ketan eigist, tes habest tu luzzel gesaget uuider diu iz uuar ist* (N. CPh 48) — что ты хорошего сделал для общего добра, ты мало об этом говорил по сравнению с тем, что есть истинно (истина); *fone diu ist ze iehenne, ube diu erera zala uuar ist, taz iz freuui fol si* (N. CPh 184) — поэтому надо говорить, если первая речь есть правдива (правда), что она полна радости.

Установить, является ли *uag* существительным, или прилагательным, невозможно. Только в тех случаях, где *uag* в предикативе получает степени сравнения, оно приобретает ясный объективный характер: *unde nieht neist uuarera alles tes man cheden mag* (N. I 174, 12) — и ничего нет истиннее всего того, что можно сказать; *nu ist ter uuan io uuarera ter anaburtiges tingis ist thann der zugesiagenis dingis ist* (N. I 583, 14) — мечта (есть) всегда более верна, которая является присущей (человеку), чем та, которая со стороны привлечена.

Наряду с предикативным употреблением *uag* может употребляться и в функции атрибута, напр.: *thie uarō Israhelita* (T. 17, 4) — истинные израэлиты; *einan got uuaran* (T. 177, 2) — одного истинного бога; *thie hirta <...> fuarun heimortes thero uuarono uuordo bliätum sie sih harto* (O. I 13, 22) — пастухи ехали домой, радовались сильно они этим истинным словам. Из этого можно сделать вывод, что *uag* в див. период дифференцировано на существительное и прилагательное. В сло-

⁷ Otfrids von Weißenburg Evangelienbuch von J. Kelle. III. Glossar der Sprache Otfrids, Regensburg, 1881.

⁸ E. Sehrт und W. Legner, Nother-Wortschatz, Halle (Saale), 1955.

варе Пауля⁹ указывается, что существительное *uuaag* является древним субстантивированным прилагательным. Нам представляется, что такой вывод не вполне обоснован. Поскольку *uuaag* в двн. памятниках встречается большей частью в предикативе, где установить природу *uuaag* не всегда возможно, то нам кажется, что *uuaag* в предикативе отражает древнее состояние языка, где имя не было дифференцировано на существительное и прилагательное. По-видимому слово *uuaag* там, где оно исполняло функцию прилагательного, адъективировалось, а в функции существительного было субстантивировано; в предикативе же сохранилось первоначальное недифференцированное состояние.

Аналогичное явление мы видим, анализируя предикативное *reht*. Установить в этом случае, где *reht* является существительным, а где прилагательным, не всегда удается: *ni mag ih uon mir selbomo tuon ioushint; soso ih horiu tuomiu inti min tuom reht ist* (Т. 88, 10) — я не могу сам по себе делать что-то; когда я выслушаю — сужу и мой суд есть правдивый (правда); *taz argumentum heizet a genere uuanda allero reht ist, taz ist ouh eines reht* (N. CPh, 66) — этот аргумент называется общим, так как он правилен вообще, то он правилен и в отдельности. В данных примерах *reht* можно понимать как существительное или как прилагательное. Иногда только контекст помогает определить функцию *reht*: *inti ther man uuaas reht inti gotforht* (Т. 7, 4) — человек был правдивый и богобоязненный; *die rehton minnont dih. Dih neminnot nieman, er ne si reht, unde nieman ist reht, er ne minne dih* (W. 4) — правдивые любят тебя. Тебя не любит никто, пока он не правдив, и никто не является правдивым, прежде чем не полюбит тебя.

В первом предложении *reht* сопоставляется с прилагательным *gotforht*, во втором — *reht* относится к характеристике человека, и в этом случае следует думать, что оно ближе к прилагательному чем в случае идентификации.

В двн. период *reht* встречается наряду с примерами недифференцированности и как ясное существительное и как прилагательное. Примеры: *buent ouh gimuato zua suester iro guoto, reht und frithu thar, uuizist thaz in alauuar* (O. V 23. 125) — живут уютно две сестры его хорошие, правда и мир там, знаешь ты это действительно.

Reht может также выступать в функции атрибута: *bluot rehtaz* (Т. 141, 29); *fater rehto* (Т. 179, 4).

Следующим словом этой группы может быть *guot*, которое в предикативе часто не удается определить как часть речи: *noh kanne findo ih ouh an selben dien liutsaldon, daz kuot unde ubel ist* (N. CPh 288) — даже и тогда нахожу я в блаженствах людей, что это есть зло и доброта. Здесь *kuot* можно понять как доброта и *ubel* — как зло или как хорошо и плохо; только когда *guot* или *ubel* относятся к одушевленным предметам, там они по функции выявляются скорее как прилагатель-

⁹ Hermann Paul, Deutsches Wörterbuch, Fünfte Auflage bearbeitet von Schirmer, Halle (Saale), 1956.

ные: fone diu chad si, ilent alle merfnisken, gelicho gamende ze guote sie guot sin alde ubel (N. CPh 253) — поэтому, сказала она, все люди спешат, одинаково стремясь к доброте, хорошие ли они или злые.

Ясно как существительное *guot* выступает лишь с определенным артиклем или с другим определяющим словом, напр.: unde daz ist taz guot ube iz iotan guinnet (N. CPh 140) — и это есть добро, если кто-либо это получает; so gangen nah eron unde nah rihtuome, daz lukkiu guot sint (N. I 168, 12) — если (они) стремятся к чести и богатству, это есть ложное добро.

Существительные *lut* и *wert* Пауль считает субстантивированными прилагательными. Но, когда они выступают в предикативе, в двн. период нельзя еще полностью определить их природу: iz meinit hiar then gotes drut, in themo ferse ist iz lut (O. II 4, 63) — здесь имеется в виду светлой, в этом стихе это ясно, понятно; uuard imo ouh thaz uuntar zi skopen eron gidan, theiz uurti ubar uuorolt lut (O. II 9, 39) — в его честь было сделано чудо, чтобы оно стало известно во всем мире; si tuont al daz sie tuont, daz sie dien liuten uuert sin (N. II 58, 27) — все, что они делают, делают для того чтобы быть ценными для людей.

В других случаях *uert* имеет ясно адъективный характер, оно получает даже степени сравнения: unde gehore inih. uanda dir uerdera ist diu beta dero himiliskon guoto danne dero irdiskon (I. II 297) — слушай меня, потому что тебе закон небесных благ дороже, чем (закон) земных (благ).

Рассмотрев приведенные выше слова, мы пришли к убеждению, что они в предикативе отражают старое состояние имени, когда оно не было дифференцировано на существительное и прилагательное. Лучше всего это показывает шаг. Мы видим также, что в двн. языке дифференция на прилагательное и существительное уже проведена, но не в равной степени. Больше всего адъективировались имена *geht*, *guot*. Они выполняют обе функции, характерные для этого класса — атрибутивную и предикативную и имеют категорию сравнительной степени. В меньшей степени адъективировались *lut* и *wert*.

Другой случай представляют имена существительные, которые в функции предикатива приобретают значение и свойства, характерные для имен прилагательных. К числу таких существительных мы относим *not*, *leid*, *bifherbi*, *we*, *hold*.

Проследим употребление имени *not* в двн. период. В двн. языке *not* не имеет четкого вещественного значения. Это проявляется в том, что оно не выступает в функции подлежащего, не играет роль субъекта¹⁰. Выполняя роль других членов предложения, *not* имеет в ряде примеров все признаки имени существительного, напр.: nu himilo rihhi tholet not (T. 64, 10) — теперь царство небесное терпит нужду; sih thar tho baldo firsprah, ther er io man ni gisah fora themo liute mit michilemo

¹⁰ В этой роли *not* употребляется лишь в средневиснемецком период; ср. *not diu brichet isen* | (Neidhar, пример из словаря Гримма).

note (O. III 20, 112) — тогда он признался скоро, что раньше этого человека не видел, перед людьми с большим стеснением (сп. определительное прилагательное при *not*).

Чаще всего существительное *not* употребляется в предикативе со значением, имеющим в себе мало предметности. Его можно понять либо как «тяжело, плохо», либо как «нужно, необходимо». И то и другое развивается из значения существительного *not* «нужда, стеснение, притеснение», немецкое *Bedrängnis*. Примеры: *theru muater uuas es filu not, bi thiū iltun siu sag uuidarort* (O. I 22, 29) — матери было очень тяжело, поэтому они очень спешили; *er io man ni gisah... theru uuerko er uns irbot, tho uns uuas hartu so not* (O. II 6, 50) — раньше никто не видел таких дел, которые он для нас делал, когда нам было очень плохо; *ni uuas poe <...> in then thaz minnista deil fon themo thie liuti, thes uuas not, uurtun auur gauarot* (O. I 3, 10) — Ной был не последним среди них (великих людей древности), им были спасены люди, в этом была нужда.

В аналогичном употреблении мы находим *not* у Ноткера: *fone diu ist tes not taz ter got sumtum bonum nesi* (N. CPh 202) — поэтому необходимо (понимать так), что бог не является вершиной блага.

У Ноткера встречаются случаи, где подлежащее и зависящее от *not* дополнение опущены. В данном случае *not* еще более отходит от имени существительного; *so guot unde ubel, lon unde uuize uuideruuartig sint, so ist not...* (N. CPh 269) — поскольку добро и зло, вознаграждение и наказание противоположны, то необходимо, чтобы...

Если проследить предикативное употребление в более поздние этапы развития языка, то степень адъективации доходит до того, что в свн. период оно приобретает степени сравнения, напр.: *im nie des orses noeter wart* (W. von Eschenbach); *mir waere noeter danne not* (Grimm, D. Wb.).

Итак, имя существительное *not*, выполняя функцию предикатива, утратило часть своей субстантивности и, тем самым, приблизилось к характеру имени прилагательного. Пауль считает, что *not* приблизилось к адъективу только в внн. период, когда оно утратило управление генитивом, напр.: Лютер пишет *eines ist aber not*, а Гете употребляет уже независимую от генитива форму предикатива: *das eine, was not ist* (см. Paul, D. Wb.). Но мы видели, что это явление имело место уже в двн. период (см. примеры выше). В настоящее время *not* в предикативе пишется с маленькой буквы. Словари обычно не дают грамматических сведений. Мы считаем *not* в современном языке адъективированным предикативным существительным.

К этой же группе слов мы относим *leid*=*Leiden*, *Betrübnis*. В двн. словарях¹¹ *leid* дается как существительное и прилагательное, но в нашем материале (Исидор, Тациан, Отфрид, Ноткер, Виллирам) *leid* как

¹¹ Kelle, Glossar der Sprache Otfrids, Regensburg, 1881; Sehrt und Legner, Notker-Wortschatz, Halle, 1955. Schade, Altddeutsches Wörterbuch, 1834—1846.

ясно выраженное прилагательное не встретилось. В див. период, по нашим наблюдениям, основной функцией *leid* является предикативная функция.

В примерах из Отфрида Келле (см. Glossar) рассматривает *leid* как прилагательное: *uuas harto in leid thaz uuuntar* (O. III 23, 112) — чудо им было горестно (горе); *uard in de filu leid, thaz er sih fon in firmeid* (O. V 10, 21) — им стало тогда очень горестно, что он от них удался.

Действительно, здесь *leid* приобретает больше качеств прилагательного, особенно с числительным наречием *filu*. Но и в первом и во втором примере *leid* вполне можно рассматривать как существительное. У Виллирама *leid* в предикативе приобретает не только прилагательный характер, но и степени сравнения: *haeretici sint mir desde leider, daz sie. iehent zedir geselliscefte* (Williram, 6) — эретики являются мне более неприятными потому, что они с тобой так любезно говорят. В нижеследующих примерах *leid* выступает как существительное, и особенно ясно там, где оно имеет при себе атрибут *managaz*: *fone dien uirt ofto der mennisko so uberguunden, ofto daz imo der lib leid ist* (N. CPh 217) — ими человек часто так угнетен бывает, что часто ему жизнь является горем (горестно); *uns ist leid hiar managaz* (O. V 23, 83) — у нас здесь большое горе.

У Ноткера в предикативе появляется производное прилагательное *leideg*, которое более точно передает признак субъекта и тем самым свидетельствует о субстантивном характере *leid*, напр.: *min herza ist ketruobet in mir, daz chit ist irchomen unde leideg* (N. II 157, 21) — сердце мое опечалено, — это значит испуганно и печально.

В атрибутивной функции *leid* встречается только в мнв. и то в редких случаях: *armut und alter sind leide gäste* (Grimm, D. Wb.). В современном языке *leid* выступает с *sein* в предикативе: *es ist mir leid*. В немецко-русском словаре под редакцией К. О. Лепинга и Н. П. Страховой *leid* дается как предикативное прилагательное, а словарь Дудена (Stilwörterbuch) воздерживается от характеристики. Пауль (D. Wb.) считает *leid* в предложении *es ist mir leid* наречием. Нам кажется, что *leid* является старым отглагольным существительным, которое в предикативе приобрело качества прилагательного, но окончательно не стало им. Его можно считать застывшим предикативным существительным.

Сюда мы отнесли также отглагольное имя существительное *bitherbi*, которое у Тациана выполняет такую же функцию в предикативе, как и *pot*. Зиверс в словаре к Тациану дает *bitherbi* как прилагательное и как существительное. В предложении: *uuaz biderbo ist manne* (T. 90, 5) *bitherbi* выступает как явное существительное в родит. падеже множ. числа, но в основном же оно встречается в предикативе с адъективированным значением, напр.: *so uelich geba so ist fon mir thir ist biderbi* (T. 84, 3) — каков бы ни был дар от меня, тебе (он) полезен. *fleisg nist biderbi iouuiht* (T. 82, 11a) — телу ничего не нужно (*caro non prodest quicquam*).

Интересно то, что *bitherbi* в предикативе легко заменяется глаголом того же значения *bitherbison*: *uns bitherbisot thoz ein man esterbe* (Т. 135, 29) и *bitherbi ist thaz ein man sterbe* (I. 185, 11) — нужно, чтобы умер один человек. Это показывает, что *bitherbi* в предикативе утратило характер своей субстантивности.

Шаде в своем словаре считает *bitherbi* только существительным. Нам кажется, что *bitherbi* можно считать также адъективированным в предикативе существительным. В дальнейшем *bitherbi* изменило свое значение и в новом значении *tüchtig*, *brav* оно выступает только как прилагательное. В этом значении мы находим *bitherbi* уже у Виллирама: *sezzoch biderba knehta=60* добрых солдат.

Существительное *we=Leiden, Schmerz*, которое мы также относим к этой группе, получило в грамматиках различное толкование. Зиверс считает *we* междометием даже в таком предложении: *iu euua gilerten ist ouh uuae* (Т. 141, 25) — вам, изучившим закон, тоже горе.

Келле *we* в сочетании со связками рассматривает как существительное или наречие, в зависимости от других окружающих слов. Примеры: *uard tho mennisgen uue* (О. II 6, 27) — стало людям горе; *uard mir uue mit minnu* (О. V 7, 37) — стало горько мне из-за любви.

В данных примерах Келле считает *uue* существительным, а в сочетании с *tuon* — наречием, напр.: *fluhet er (der Satan) in then se, thar giduat er imo uue* (О. I 5, 55) — если он (Сатана) побежит в озеро, там он ему причинит горе.

Зерт и Легнер¹² считают *uue* в сочетании с *uuesan* наречием: *so bist du ouh forhtig umbe daz, daz dir uue nesi* (N. III 332, 12) — ты боишься того, чтобы тебе не было горе; *do begonda anderen uuola sin, mir uue sin* (N. II 112, 24) — тогда стало другим хорошо, у меня началось горе.

Нам кажется, что во всех случаях *uue* в предикативе является адъективированным существительным. Это подтверждает и современный язык, где *Weh* выступает в паре с *Wind*: *mir ist Wind und Weh!*

К разобранной группе можно причислить и слово *hold*, которое первоначально было существительным. Предположение основывается главным образом на этимологии этого слова. Слово *hold* обозначает в древности преданный, склонный. Этимологически¹³ оно связано с существительным *Halde* и литовском *žalis* — край. В древневерхнемецких текстах *hold* употребляется только в предикативе; отсюда оно и получило свое адъективное значение, ср.: *uuis uiuo filu hold thu mir sis* (О. V 15, 22) — покажи, как ты мне предан есть; *er gillet iro fienden persecutoribus unde hereticis aber sinero ecclesie uuiset er hold* (N. II 632, 28) — он вознаградит их врагов, преследователей и еретиков, но своей церкви он благосклонен.

¹² См. E. Sehart, W. Legner, Notker-Wortschatz, Halle, 1955.

¹³ См. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin, 1957.

Адъективная природа древневерхнемецкого *hold* выявляется и в возможности для его принять флексии имени прилагательного, напр.: *ist thaz herza thinaz mir iuarlichho holdaz?* (O. V 15, 28) — твое сердце мне действительно предано? *Hold* выступает и в степени сравнения, напр.: *ih bin imo iemer deste holder* (W. 20, 3) — я ему еще более благосклонна. Если в древневерхнемецком периоде мы считаем *hold* адъективированным в позиции предикатива существительным, то в современном языке *hold* можем выполнять и функцию атрибута, напр.: *holde Augen sah ich blinken* (Goethe) и является поэтому именем прилагательным, ср. немецко-русский словарь Лепинга и Страховой. Интересно, однако отметить, что *Duden* воздерживается от грамматической характеристики слова *hold*.

Характерной чертой всех существительных этой группы является то, что они в предикативе приобретают значение, близкое к имени прилагательному, но никогда не выступают в функции атрибута. Этим они отличаются от имен предыдущей группы, адъективизация которых развивалась в большей степени.

Особо мы выделяем в нашем рассмотрении слова *sculd*, *thurft* и *kund*. Брауне¹⁴ считает эти слова причастными прилагательными от претерито-презентных глаголов. Однако фактически для этого нет основания. Отметим также, что у исследователей и издателей текстов нет единства в вопросе о первичной сущности подобных слов. Так Чирх¹⁵ рассматривает *durft* с глаголом *sin* как глагольное прилагательное, а рядом в словаре дает *thurft* как существительное; Келле¹⁶ выделяет *durft* как существительное с основой на *-i-* и прилагательное с основой на *-a-*.

Проследим данные слова в функции предикатива и попробуем установить их природу. Начнем со слова *skuld*. Клуге считает, что *двн. skuld*=*Verpflichtung zu einer Leistung, Zahlung*, является глагольно-абстрактным существительным из корня *skal*=*sollen*. Я. Гримм в своем словаре объясняет *двн. существительное skuld* как абстрактное образование от глагола *skulan* с суффиксом *-tis*, а прилагательное *skuld* как второе причастие к глаголу *skulan*=*sollen*. Графф¹⁷ в своем словаре рассматривает *sculd* как существительное — *Schuld, Schuldigkeit* и *sculd* как прилагательное — находящиеся под судом. Однако под обеими рубриками приводится один и тот же пример: *iz min sculd uuari*. У проанализированных нами авторов *двн. периода* (Исидор, Тацян, Отфрид, Ноткер, Виллирам) *skuld* встречалось только как существительное, напр.: *furlaz uns unsara sculdi* (Т. 34, 6) — прости нам наши грехи.

¹⁴ См. W. Braune, *Althochdeutsche Grammatik*, Halle, 1955, § 323. Anm. 3.

¹⁵ См. F. Tschirch, *Frühmittelalterisches Deutsch.*, Halle, 1955.

¹⁶ См. J. Kelle, *Das Verbum und Nomen in Notkers Boethius. Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Bd. CIX, H. I, Wien, 1885.*

¹⁷ См. E. G. Graff, *Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache*, Berlin, 1836—1842.

При этом предикативное употребление сравнительно редко. То обстоятельство, что существительное *schuld* не получило широкого употребления в предикативе, объясняется конкуренцией производного прилагательного *schuldig*, которое широко употреблялось в див. период, напр.: *ni uuis manslago, thie thar slehit, ther ist sculdig duomes* (Т. 26, 1) — не будь убийцей, тот, который убивает, тот достоин приговора; *sie tho antuuurtenti alle quadun sculdic ist todes* (Т. 591, 3) — они, отвечая, говорили: достоин смерти. Только в свн. языке *schuld* встречается в функции предикатива чаще: *da die man als übel tuont, dast gar der wibe schult* (W. v. Vogelweide). Но и здесь *schuld* нельзя рассматривать иначе как существительное. Только в нвн. период *schuld* в предикативе приобретает свойства прилагательного. В древневерхнегерманский период, таким образом, движение *schuld* в сторону адъективизации по существу не началось. Оно проявляет себя как имя с чертами субстантивности.

Если *schuld* в див. языке в предикативе почти не выступает, то для существительного *thurft* основная функция предикативная. Мы уже раньше отмечали, что на счет природы *thurft* нет единого мнения. Нам кажется, что *thurft* в див. языке выступает достаточно ясно как имя существительное, напр.: *sie ni habent thurfti zi faranne* (Т. 80, 2) — вы не имеете нужды ехать. Чаще всего мы встречаем *thurft* в составе предиката, напр.: *uueiz iuar fater uues iu thurft ist* (Т. 34, 4) — знает ваш отец, чего вам нужно; *coufi thi u uns thurft sint ci themo itmalen tage* (Т. 159, 5) — купи то, что нам нужно к этому празднику; *es uuarum in thio thurfti* (O. IV 15, 2) — им это было нужно; *pediu neist pioner gespraches mannes mer durft thanne dar* (N. СPh 74) — потому что нигде нет большей нужды иметь образованного человека, как здесь. Слово *thurft* выступает в двух вариантах: *thurft* и *thurfti*. Графф¹⁸ дает обе формы как идентичные, а Келле¹⁹ в форме *thurfti* видит множественное число, которое, по его мнению, Отфрид использует для рифмы, напр.: *thie selbun zuagifti, es sint uns harte thurfti* (V. 12, 55) — те же самые подарки, эти нам очень нужны.

В данном случае с Келле нельзя согласиться, поскольку *thurft* встречается в аналогичной функции в других памятниках во множественном числе, например, в Касселевских глоссах: *sohtum daz uns durft uuas uiaz uuarum durfti?* — искали, что нам было нужно. Какие нужды были?

В приведенных примерах значение *thurft* во всех случаях близко по значению к имени прилагательному, особенно там, где оно имеет при себе определение *harto*, мер. В одном случае у Ноткера *durft* приобретает степени сравнения, напр.: *tanne dien tuonten dero irbarmedo duftera uare* (N. СPh 2, 86) — тогда тем, которые другим дают, более нужно было бы милосердие.

¹⁸ См. E. G. Graff, *Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache*, Berlin, 1836—1842.

¹⁹ См. J. Kelle, *Formen und Lautlehre der Sprache Otfrids*, S. 205, Anm. 3.

Нам кажется, что *thurft* является существительным (оно выступает в винительном падеже в функции прямого объекта) и только в предикативе приобрел значение близкое к прилагательному. То обстоятельство, что *thurft* не выступает в функции субъекта, объяснить можно, по нашему мнению, тем, что в конструкции *uuas imo thurft* (O.II 11,65) *thurft* было, по видимому субъектом, и только позднее произошло пересмысление, *thurft* стал предикативом (обо аналогичном пересмыслении конструкции *mir tut not* указывает Пауль в словаре).

Рассмотрим теперь *kund*. Оно тоже употребляется как предикатив, но не выступает как ясное существительное. Примеры: *uns ist uuola chunt*, *uuelen suid nero teta ter roma ferbranda* (N. CPh 119) — нам хорошо известно, какие руины Нерон сделал, который сжег Рим; *sluimo sageta er mo thaz er mo er kund uuas* (O.II. 7,61) — тотчас сказал он ему, что он ему прежде был известен.

Kund выступает также с отрицательными и усилительными частицами: *unkund ist mir drato, ob er si ubildato* (O.III 20, 113) — мне неизвестно, злодей ли он; *dhazs fater einemu ist dhurahchunt, huueo ir supu chibar* (Isid. III 8) — одному отцу хорошо известно, как он породил сына.

Естественно, что *kund*, выступая в предикативе, приобретает адъективную природу и получает степени сравнения: *thot iz thaz herza bue innan mir, ist harto kundera thir* (O. I 2,24) — хотя сердце у меня в груди, оно тебе более известно, предикативным существительным на основании параллельных конструкций с *schuld* и *thurft*.

Есть случай, когда у Ноткера *chunt*, по-видимому, выступает в функции атрибута: *sumelicher ist chunt man fone geedele, temo iz aber leid ist turh sin arm getragede* (N.SPh 92).

Гримм указывает, что *kund* встречается в атрибутивной функции в XV веке: *ich besorg ein kunt dieb* (Grimm, D. Wb), но широкого употребления это явление не получило. В современных словарях *kund* не определяется как часть речи. Мы считаем *kund* адъективированным предикативным существительным на основании параллельных конструкций с *schuld* и *thurft*.

Проследив употребление *schuld*, *thurft* и *kund*, можно сделать вывод, что они являются существительными, которые в предикативе приобрели адъективное значение. Они не встречаются ни в функции прилагательного, ни причастия. *Schuld* в предикативе в див. языке почти не встречается, зато оно яснее выступает как существительное; *thurft* выступало в предикативе и в других функциях, *kund* — только в предикативе, а в других функциях не встречается в виду того, что оно больше всех адъективировалось, хотя истинным прилагательным и не стало.

Выше мы рассматривали ряд имен, для которых нам приходилось решать вопрос о их принадлежности к той или другой группе слов. В одних случаях (типа *War*) мы склонились к выводу об остатках не дифференцированного имени (существительное, прилагательное), со-

хранившегося в предикативе. В других мы высказали предположение, что исходным было имя существительное, которое в определенных условиях приобретало те или иные черты адъективности (тип *pot* или *kund*). В этих случаях однако дальнейшей гипотезы идти нельзя было и эта гипотетичность выводов ясно отражается в пестроте осуждений о выше переименовавших именах.

Теперь коснемся бесспорных имен существительных, которые в предикативе приобретают черты прилагательного. Такими существительными являются *uuuntar*=*Wunder*; *niot*=*Verlangen, Sehnsucht*, *agaleizi*=*Hartnäckigkeit*; *firiuuizzi*=*Neugierde*. Они выступают в безличных предложениях (*accusativus personae, genitivus rei*) и выполняют функцию предикатива. Примеры: *sie uuuntar uuas thes things* (O. II 14, 81); *si uuas es agaleizi, ioh fial in sino fuazi* (O. III 10, 27) *uuas thes tho firiuuizzi* (O. III 20, 41) — они поэтому удивлялись; она была настойчива и пала на колени; они этим заинтересовались (об этом любопытствовали).

Выступая в предикативе, *uuuntar, agaleizi, firiuuizzi* подвергаются процессу адъективации. *Agaleizi*, например, можно передать прилагательным «упорный, назойливый», оно отражает состояние субъекта в определенный момент. Это можно передать и глаголом: она упорно умоляла и пала на колени. Особенно часто в таком сочетании выступает *uuuntar*: *uuuntar uuas sie harto thes iungen Kindes uuorto* (O. I 22, 37) — они были очень удивлены словами маленького ребенка; *unde mih ist uuunder, daz sih iro ioman uuunderot* (N.CPh 100) — меня удивляет, что никто из нас не удивляется. По содержанию *uuunder* здесь приближается к прилагательному *wunderlich*, оно обозначает не «удивление», а признак субъекта, его психическое состояние. Смысл выражения не изменится, если мы выразим конструкцию *accusativus personae, genitivus rei* таким образом: *das ist mir wunderlich*. Другой характер имеет выражение типа: *thaz ist nu uuuntar, thaz ir nirknahet then man* (O. III 20, 145) — это чудо (удивительно), что вы не узнали этого человека. Здесь выражается не только качество или состояние, но имеется и отождествление предиката с субъектом.

Рассмотрев примеры, мы приходим к общему выводу, что в предикативе имя находится в особых условиях. С одной стороны, эти условия помогают сохранению известной недифференцированности грамматических свойств этого имени, когда трудно определить, существительное ли перед нами или прилагательное. С другой стороны, употребление имени существительного в предикативе ведет к изменению его. Это происходит потому, что существительное теряет субстанцию, предметность, оно не может выражать тождества с субъектом, а начинает обозначать его признак. Постоянное употребление имени существительного в предикативе ведет к переходу в другую часть речи (ср. *hold*).

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- Isid. — Der althochdeutsche Isidor mit Einleitung, grammatischer Darstellung und einem ausführlichen Glossar, herausgegeben von G. A. Hench (Quellen und Forschungen der germanischen Völker 72), Straßburg, 1893.
- O. — Otfrids von Weissenburg Evangelienbuch, herausgegeben von Kelle. I, Text und Einleitung. Regensburg, 1856.
- N. CPh — Notker, De Consolatione Philosophie. Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften herausgeben von E. H. Sehrт und Taylor Starck. I Band.
- N. — Die Schriften Notkers und seiner Schule, herausgegeben von P. Piper. 3 Bände. Freiburg und Leipzig, 1882—1895.
- T. — Tatian lateinisch und altddeutsch mit ausführlichem Glossar, herausgegeben von E. Sievers, Paderborn, 1892.
- W. — Williram's Deutsche Paraphrase des Hohenliedes (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der Germanischen Völker 28) Straßburg—London, 1878.
- двн. — древневерхненемецкий язык.
- свн. — средневерхненемецкий язык.
- нвн. — новеверхненемецкий язык.

VARDINIO TARINIO SENOJOJE VOKIEČIŲ AUKŠTAIČIŲ KALBOJE KLAUSIMU

V. BALAISIS

R e z i u m ė

Straipsnyje nagrinėjami du pagrindiniai senosios vokiečių aukštaičių kalbos vardinio tarinio klausimai: jungtis ir vardinė tarinio dalis, išreikšta daiktavardžiu. Gryna jungtimi laikoma dabartinėje vokiečių kalboje sein, werden ir bleiben, o senojoje kalboje tik wesan ir werden. Vardinė tarinio dalis prie grynųjų jungčių vadinama predikatyvu (Prädikativ), o prie veiksmažodžių, turinčių jungties požymius kaip scheinen, dünken — predikatyviniu vardu (Prädikatsnomen).

Kai kurie daiktavardžiai, eidami predikatyvo funkciją, išlaiko tą seną indoeuropiečių vardų būklę, kada jie dar nebuvo aiškiai diferencijuoti į daiktavardžius ir būdvardžius (pvz., war); kiti aiškiausio tipo daiktavardžiai predikatyve subūdvardėja, kaip, pavyzdžiui, not grupės žodžiai, dar kiti — pasikeičia ir pereina į būdvardžius (pvz., hold). Bendra išvada yra ta, kad daiktavardis predikatyve daugeliu atvejų netenka savo substancinės reikšmės ir pradeda reikšti veiksnio ypatybės lygiai taip kaip būdvardžiai. Šis reiškinys būdingas tikrai tiems daiktavardžiams, kurie eina su grynosiomis jungtimis.